

18+

Балерий Яковлев

покаянное письмо зека

Валерий Яковлев

Покаянное письмо зека

«Издательские решения»

Яковлев В.

Покаянное письмо зека / В. Яковлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983977-0

Начальник детской воспитательной колонии полковник Александр Иванович Седов сталкивается с необычной ситуацией: воспитанник Ваня Большаков, активист, правая рука Седова по колонии, прямо на заседании суда отказывается от условно-досрочного освобождения — УДО. Действие происходит в начале 80-х годов XX века, во времена СССР. Читатель узнает про нравы показательной колонии и поймет, почему Большаков принял странное решение.

ISBN 978-5-44-983977-0

© Яковлев В.
© Издательские решения

Содержание

ПЕЧАЛЬ СТЕПЕННОГО МУЖА	7
СКАЗАНИЕ О КРАСНОЙ ЗОНЕ	9
ДРУГ МОЙ, ДУЧЕ	12
ТОВАРИЩ УЗЮКИН	14
«ОТКАЗНЯК» ВАНИ БОЛЬШАКОВА	16
ЧЕРВОТОЧИНА КАРЬЕРНОГО СЛУЖАКИ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Покаянное письмо зека

Валерий Яковлев

© Валерий Яковлев, 2020

ISBN 978-5-4498-3977-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Яковлев

(проект повести)

ПОКАЯННОЕ ПИСЬМО ЗЕКА

История одного раскаяния

Иные дни начинаются лирически, безмятежно. Ничто не предвещает беды, жгучей проблемы, и человек всеми фибрами души ощущает счастье бытия. Чрезвычайно жадная личность может в таком состоянии подарить кому-нибудь «ржавый» пряник. Палач пускает слезу и гуще мажет веревку мылом – чтобы не мучить жертву. У людей резко падает процент присутствия сволочизма в крови. Они становятся менее склонными к конфликтам, готовы всех прощать, любить и гладить по головке. В похожем полублаженном состоянии пребывал начальник детской воспитательной колонии полковник Александр Иванович Седов, когда весенним благоухающим утром стоял у раскрытого окна кабинета и созерцал виды зоны.

Как писаная картина, выглядела территория окаянная. Асфальт был «вылизан», массивные бетонные вазы покрашены, свежая побелка кирпичных казарм слепила глаза на солнце. Где не было асфальта – зеленела трава; в гуще цветущих яблонь, словно в райском саду, пели птицы.

У входа в зону красовался громадный стенд. На нем аршинными буквами было выведено: «Воспитанник, помни: здесь начинается твой путь на свободу». Конструкция имела интересную особенность: художник сделал надпись с обеих сторон. Ее могли видеть и прибывающие в колонию и убывающие из нее.

Полковник набрал полную грудь воздуха и мечтательно закрыл глаза: «Еще бы штук пятнадцать – двадцать рябин посадить, – думал он, – да калины красной, – любая инспекция будет рыдать от восторга».

Лицо полковника излучало свет. Он напоминал монаха, постигшего заповеди блаженства из Нагорной проповеди Спасителя. Определенно, день в колонии обещал стать особенным. Готовился большой выпуск УДО – условно—досрочно освобождающихся. По обыкновению, УДО обставлялось торжественно. Тех, кто выходил на свободу, выстраивали в одну шеренгу перед громадными воротами колонии. Оркестр играл бравурный марш. Ввиду особого случая Александр Иванович надевал парадный китель, чистил до солнечного блеска ботинки. Он весь преобразался и становился торжественным и многозначительным, как маршал Жуков на подписании Акта о безоговорочной капитуляции. В кульминационный момент Александр Иванович лично отдавал команду: «На свободу ша-гом марш!» Дежурный помощник начальника колонии – ДПНК – делал взмах рукой, где-то на вахте нажимали кнопку привода огромных линейных ворот, и, вздрогнув, они начинали медленно отодвигаться. По мере открывания ворот на противоположной стороне освобождающиеся видели приехавших их встречать близких. В эти последние минуты пребывания на зоне ребятишкам казалось, что ворота отодвигаются целую вечность. Не в силах сдержаться, они галопом неслись прочь из колонии в образовавшийся проем и оказывались в объятиях родственников и друзей.

Полковник очень любил УДО и поэтому в ожидании церемонии находился в прекрасном расположении духа. В такие минуты он нередко припоминал мелодию «Русского танца» из «Лебединого озера» Чайковского. Замысловатая, затейливая мелодия была несколько сложна для насвистывания, потому Александр Иванович прокручивал ее в голове, постукивая в такт мелодии пальчиками по подоконнику. Иногда, точно зная, что никто его беспокоить не будет, он даже выделял в кабинете под любимую мелодию танцевальные па. Небольшая тучноватая фигурка полковника, сама собой перемещавшаяся по ковру просторного кабинета, выглядела весьма забавно.

ПЕЧАЛЬ СТЕПЕННОГО МУЖА

Ближе к полудню, Александр Иванович привычно выкурил свой любимый «Oral», аккуратно потушил сигарету о пепельницу, хлебнул чаю. Он уже собирался накинуть парадный китель и направиться в актовЫй зал Дворца культуры – ДК, где заседал областной суд, как вдруг заметил стремительно несущуюся в сторону его окна фигуру начальника оперчасти майора Владислава Шурукова.

Владислав Николаевич бежал, высоко закидывая вверх худые коленки. Его чудные яловые офицерские сапоги сверкали на солнце, из-за чего возникала аналогия с копытами оленя. Долговязый и чрезмерно худой, похожий на сушеную воблу опер молниеносно взлетел по лестнице административного здания и со скоростью вещи, которую швырнули, очутился в кабинете хозяина.

Невидимая внутренняя струна от копчика до языка и неба натянулась внутри Александра Ивановича. Он почувал неладное. Таким начальника оперчасти полковник еще не видел. Майор напоминал пса, отмотавшего семь верст в округе.

«Интересно, какая Горгона поцеловала его в задницу?» – думал Александр Иванович. – Влетел аки пуля».

– Только не говорите мне, – сказал он, – Владислав Николаевич, что у Венеры Милосской выросли руки и она играет на балалайке. Что случилось? Что вы рассказали как сайгак?

Начальник колонии бывал вспыльчив, говорил колкости, часто сыпал нетипичными метафорами. Но все знали, что это форма, внешняя оболочка полковника – его реакция на нервную ситуацию. Выговорившись, он обычно успокаивался, все обдумывал и решение принимал взвешенное. Привычки рубить сплеча, сворачивать головы подчиненным и заключенным за ним не замечали.

Шуруков нагнал в легкие достаточное количество воздуха и, будто паля короткими пулеметными очередями, заговорил нервной скороговоркой:

– Свиныю нам подбросили, Александр Иванович. Большую, жирную свинью... Я бы даже сказал свиноматку.

Начальник колонии в нетерпении сверкнул глазами, посмотрел на опера так, как, по обыкновению, сверлили взглядом врагов революции комиссары в кожаных тужурках, прежде чем поставить их к стенке и отправить к праотцам.

Шуруков вытянулся в струну, в три погибели выпучил маленькие глазки и выпалил:

– Большаков Ваня отказался от условно—досрочного освобождения...

– Как отказался? – изумился Седов.

– Так и отказался, – договорил опер, – прямо на заседании суда.

Если бы сейчас в окно кабинета полковника влетела стрела, выпущенная воинствующими ацтеками, и вонзилась прямо в глаз висевшего на стене портрета Феликса Эдмундовича Дзержинского, в реалистичность такого сценария Александр Иванович поверил бы скорее, чем в то, что воспитанник Ваня Большаков отказался от условно—досрочного освобождения.

Но начальник оперчасти не мог сочинять сказки. В его специфическом мозгу фантазии почти не обитали, а пульсировали сугубо утилитарные соображения типа «выявить—раскрыть—наказать». Впрочем, служакой он был проверенным. Звезд с неба не хватал, но дело свое знал, как хорошая собака ищейка. На фоне страстного Александра Ивановича человеком он выглядел суховатым, лишенным большого воображения, но в части выполнения своих обязанностей опять же сказать о нем чего—нибудь особенно худого было нельзя. От Владислава Николаевича веяло неким унылым постоянством, но в его деле, связанном с постоянной рутинной, скорее это было достоинством, чем недостатком.

– Бесхитростный человек, – говаривал про него Александр Иванович, – но надежен как дубовый стол.

Нет, Шуруков не мог ничего сочинить. Тем невероятнее казалась услышанная новость.

Страстный, эмоциональный полковник от удивления даже шевельнул ушами. Он как сейчас помнил первую встречу с Ваней Большаковым. Ваня прибыл на зону этапом холодным осенним деньком. Его атлетического типа фигура заметно выделялась среди тощих, потрепанного вида пацанчиков. В то время Александр Иванович был мучим поисками перспективной кандидатуры на место главного бугра (здесь, в контексте, – командира) зоны. Зек номер один, бугор Аркаша Бикчурин с браздами правления справлялся плоховато, чуть что махал кулаками. Как—то он вышел из себя и съездил по морде дневальному Ищенко. У Аркаши Бикчурина был великолепно отработан на зеках хук правой. Он бы мог и быка свалить. Но быки в колонии если и водились, то в переносном смысле. В прямом, физическом смысле за быка сошел дневальный Ищенко, которому Бикчурин благополучно сломал челюсть.

Знакомясь с этапом, Александр Иванович, бывало, как опытный купец, оценивал «товар». Он входил в раж и даже ощущал себя ловцом душ человеческих. Поскольку души были падшие, в его задачу входило приведение этих самых душ в более—менее приличное состояние. Почти безошибочно, интуитивно, он мог определить, из кого что получится. В Большакове полковник почуял способность управлять людьми. Из персонажей подобного типа получались великолепнейшие бригадиры лесорубов, какие—нибудь мастера на буровых вышках, шахтах и так далее.

Александр Иванович чувствовал в себе силы годика за полтора слепить из Большакова первоклассного бугра.

– Может, нам Бог послал этого человечка, – шепнул он своему начальнику опер части, указав взглядом на Большакова, – хорош пацанчик! А кулаки какие? Глянь, Владислав Николаевич. Изумительные кулаки, пудовые. Слепим из него бугра? А, Владислав Николаевич?

Представляя советскую колонию, обыватель хватается за голову, а особо чувствительные натуры падают в обморок. Кошмар! Вышки, собаки, злодеи вертухаи, которые только и ждут, чтобы какого—нибудь несчастного зека затоптать—запинать, а лучше пристрелить. Ничего такого в зоне, где работал Александр Иванович, не было и в помине. На вышках стояли охранники, именуемые воспитанниками дубаками, которые и не помнили, когда в последний раз держали в руках оружие. Из средств воздействия дубак имел лишь дубинку, бесцельно болтавшуюся у него на боку. В колонии охранниками работали и женщины—дубачки. В отличие от склонных к лени мужчин, стояние на вышке наводило на них глубокую печаль. Дубачки скучали, от безделья впадали в тоску. Пытаясь с ней бороться – вязали, лузгали семечки, почиывали романчики, хотя инструкциями все это было строжайше запрещено.

Иногда в запретную зону с контрольной полосой и вышками с криком залетала ворона. Над забором в несколько рядов была натянута колючка. На ней спиралеобразно висела такая же проволока, создавая что—то вроде паутины. Где—то внутри спиралеобразной колючки пролегала нить звуковой сигнализации, которая срабатывала при задевании проволоки. Птица, конечно же, касалась ее. Дико начинала ухать сигнализация. Но охрана, наученная опытом долгого безделья, знала: тревога ложная. Ее отключали, чтобы, впрочем, затем включить вновь. Для верности дубаки на вышках, каждый в зоне своей ответственности, одним глазком окидывали запретку и снова погружались в привычную полудремоту.

Каждый день во время утреннего развода на зоне поднимался красный флаг, оркестр почти без фальшивых нот играл гимн Советского Союза. И только после этого обязательного ритуала ребятишки стройными рядами расходились, кто на работу, кто на учебу. Картина плоховато вязалась с представлениями о местах лишения свободы. Глядя на происходящее, несведущий человек мог подумать: в колонии ли он находится? Не пионерский ли это, часом, лагерь, имени какой—нибудь пламенной комиссарши?

СКАЗАНИЕ О КРАСНОЙ ЗОНЕ

Читатель, видимо, уже начинает догадываться, что речь идет о не вполне обычной колонии. И будет прав. Всему причиной был особый образцово—показательный статус зоны, который накладывал глубокий отпечаток на уклад жизни зеков. Сама картина бытия окаянного этого места складывалась иным порядком, и, казалось, даже солнце восходит здесь строго по уставу.

Трудна была работа Александра Ивановича. В образцовую колонию косяком шел начальник. Здесь подводилась «цифирь», писались пышные, благодущные отчеты. Где еще было взять положительные примеры, чтобы рапортовать об успехах в деле перевоспитания преступного элемента? Поэтому шел и шел в колонию начальник: и худой и толстый, и розовый и налитой. Кубинские товарищи с острова Свободы прилетали изучать опыт! Колония жила, как под всевидящим оком, и предстать в дурном свете не могла никак.

Полковник, человек многоопытный, определил три столпа, на которых держался статус образцово-показательной колонии. Первым был внешний вид зоны и зеков. Вторым – внутренняя самоорганизация колонии, под руководящим началом активистов. Третьим – условно-досрочное освобождение, как зримое и убедительное доказательство успешной работы. Этих трех «пристяжных лошадок» Александру Ивановичу приходилось «стегать» постоянно.

Прежде всего, полковник старался по части создания благоприятной визуальной картинки. Через зрение человек получает большую часть информации, по внешнему виду выносит первые оценочные суждения. Нужно было так оглушить проверяющих товарищей чистотой, порядком, опрятным видом воспитанников, чтобы у них сразу отпала мысль искать недостатки. Поэтому, едва сходил снег, воспитанники, куда дозволялось ступать их ногам, обходили каждый метр зоны и вычищали ее так, что позавидовал бы самый что ни на есть уважаемый председатель передового колхоза. Колония засеивалась травкой, а когда она подрастала, ребятишки регулярно ее подкашивали. Еще воспитанники белили яблоньки, ровненько, как под линейчку, подстригали декоративные кусты, красили заборы, казармы и даже мрачноватое здание КПП.

Раз в десять дней, перед баней ребятишки проводили генеральную уборку и в жилых отсеках. Они разводили душистое мыло и драили стены, окна, каптерку, раздевалку, туалет, натирали до блеска бюст Ильича в ленинской комнате и вытирали пыль с висевшего здесь же на стене портрета отца-основателя советской воспитательно—принудительной педагогической системы Антона Семеновича Макаренко.

Александр Иванович питал страстную любовь к казарменному порядку. Часто он сам обходил территорию, справедливо полагая, что поддержать требующуюся степень чистоты и блеска зоны без постоянного, нудного контроля никак нельзя.

– Ищенко! – зазывал он обычно дневального.

Тотчас раздавался топот пудовых кирзовых сапог, и перед Александром Ивановичем вырастала фигура верзилоподобного воспитанника.

– Ну что? Любезный ты мой... – говорил полковник, – тетрадку в руки, и вперед. Пойдем строить царствие небесное на земле нашей грешной.

Александр Иванович и дневальный Ищенко шли по зоне, выявляя, что не в порядке. Рядом с невысоким начальником колонии, Ищенко смотрелся громадиной. Две несопоставимые фигуры выглядели несколько карикатурно. Впрочем, воспитанники размером с приличный шкаф, встречались на зоне довольно часто. Этими верзилами, преимущественно, были активисты, занимавшие руководящие зековские должности. Их администрация могла оставить на зоне и после восемнадцати лет. Досиживая срок или дожидаясь условно-досрочного освобождения, эти избранные личности перерастали сверстников и умом и телом. Верзилоподобная фигура воспитанника, безусловно, выделалась из среды, так как скорее годилась ребятиш-

кам в дяди. Однако поскольку на зоне таких личностей была не одна пачка, то смотрелись они вполне привычно, как естественный антураж.

Сломан ли кустик, не покрашена где-то урна, валяются ли окурки на земле, или плоховато выметен плац – Ищенко все старательно записывал, потом передавал данные буграм (командирам) отрядов. Те, каждый в зоне своей ответственности, снаряжали ребятишек, – в колонии начиналась суэта по устранению недостатков. Пулей мчались воспитанники подбирать окурки, подвязывать сломанный кустик, докрашивать урну. Ребятишки выстраивались в три – четыре ряда, приседали и небольшими щеточками, какие, обычно, используют в столярных мастерских для подметания стола, «вылизывали» плац.

Казарменный блеск и чистоган требовалось дополнять соответствующим внешним видом самих воспитанников. Иначе «картинка» теряла восприятие. Данную проблему полковник решал без надрыва, в некотором роде, даже, технично и элегантно. Могло показаться странным, но в неволе мальчишки следили за собой даже больше, чем на свободе. Объяснялось это обстоятельство не только требованиями режима, но и тем, что аккуратный прикид, как бы, подчеркивал статус пацана. Иначе пацана, чего доброго, могли посчитать чуханом (неопрятный, не пользующийся авторитетом пацан). Чуханом быть никто не хотел, потому ребятишки старались. Имевшееся на зоне швейное производство служило им прекрасным подспорьем. Формально подшивать – ушивать казенную робу – спецовку запрещалось. Но Александр Иванович, а с его подачи и другие воспитатели, смотрели на ограничения сквозь пальцы. Нарушать инструкции вынуждал постоянно посещавший колонию «табун» начальников. Выглядеть перед высокими чинами плохо воспитанникам было совсем нежелательно.

Среди сотен хулиганов, воришек, насильников находились мальчишки, обнаружившие в себе талант портного. Обучившись шитью, они переходили в разряд неприкасаемых, особо ценных кадров. Именно эти мальчишки исправляли недостатки советской легкой промышленности, превращая бесформенные робы молодых зека в подобие униформы, которая сидела на ребятишках, после переделки, уже как литая.

Среди сотен малолетних преступников находились также и таланты, в чьих жилах явно текла кровь сапожных дел мастера. Своим умением они даже превосходили таланты предков. Только на зоне обыкновенные кирзовые сапоги, сшитые из неблагородной свиной кожи, могли превратиться в произведение искусства. Где-то на задворках производственного корпуса голенище обуви укорачивалось и прошивалось. Молодой спец обрезал каблук, придавая ему конфигурацию приличного гражданского ботинка, ставил набойку. В нос сапога зек-мастер вставлял деревянную формочку и, подбивая грубую кирзу молоточком, придавал «морде» обуви изящные модельные черты. Затем юный умелец наполнял сапог песком, густо мазал его кремом и, как утюгом, разглаживал сапог обрезком разогретой трубы, превращая грубую поверхность кирзы в некое подобие кожи лакированных ботинок. Для поддержания нужной температуры «утюга» -трубы мастер поджигал пропитанную соляжкой ветошь. Время от времени «утюг» приходилось подогреть. Virtuозная переделка делала кирзачи легкими, изящными, не уступающими по красоте чудным офицерским яловым сапогам. Каждый уважающий себя пацан полагал за честь обладать такими.

Зона пестрела красными бирками. В колонии было налажено производство комплектующих деталей для автомобилей. В том числе собирали здесь фары габаритных огней. Находчивые воспитанники брали рассеиватели этих самых фар, вырезали из них прямые полосы, обтягивали их красным кумачом, пропитывали эмульсией. За пару пачек сигарет, кило пряников художник колонии Олег Дурилов по прозвищу Дуримар выводил на бирках фамилии и инициалы воспитанников. Изделия получались исключительно аккуратненькие и по-своему красивые. Эти красненькие полосы украшали грудь большинства воспитанников, так как большинство из них сотрудничало с администрацией.

На «черной» зоне, где-нибудь в каптерке бугра-бригадира собираются урки и воры и под махровый, крепкий чефир решают, как будут мужички на зоне жить. И администрация вынуждена считаться с подобным положением вещей.

На «красной» зоне дела обстоят ровным счетом наоборот. Здесь музыку заказывает сама администрация. Пластинки на патефоне под названием жизнь она меняет по своему усмотрению, не считаясь с мнением воров. А самих воров всячески гнобит и притесняет.

На глаз, зона, которой руководил Александр Иванович была «красной» – красней некуда...

ДРУГ МОЙ, ДУЧЕ

Наиболее сложной выглядела система внутренней самоорганизации колонии. Это был удивительный продукт, над совершенствованием которого Александр Иванович тоже трудился неустанно. Зона делилась на отряды, человек по сто. Отряды – на отделения, в которых насчитывалось человек по двадцать воспитанников. Во главе отряда находился бугор, он осуществлял общее руководство. Чтобы воспитанники не надавали друг другу по мордасам, не отнимали вещи, вообще не делали глупостей, за ними присматривал мент. Вопросы, связанные с порядком, находились в его ведении. Был еще санитар. Этот наделенный властью воспитанник старался делать все, чтобы ребяташки выглядели не как обормоты. Голова приличного пацана должна была быть вовремя постриженной, шея чистой. Полагалось ему ходить в надранных до блеска сапогах, носить опрятную одежду. За всем этим и следил санитар.

В отряде имелись специальные соглядатаи. Подобно служившим немцам полицаям, они зорко следили за тем, что происходило в отряде. Если случались какие безобразия – немедленно докладывали буграм, ментам и санитарам. Эти ревностные помощники администрации носили на рукавах специальные красные значки – косяки. Были они воспитанниками глубоко презираемы, но сам факт их присутствия в отряде сдерживал ребяташек, ограничивал буйство их преступной фантазии.

Структурно соглядатаи входили в комитет внутреннего правопорядка – КВП, который сплошь состоял из воспитанников, сотрудничавших с администрацией. В него входили бугры, менты, санитары, каптерщики, банщики, шныри-дневальные. В КВП же числились баландеры, бесконвойники, библиотекари, художники. Занять даже мало-мальскую должность без «презренного косяка», членства в КВП, не представлялось возможным. Но именно сотрудничество с администрацией открывало активистам заветную дорогу к условно—досрочному освобождению.

Вертикаль власти на уровне отряда замыкалась на воспитателе – человеке из системы управления и наказания – УИН. Уиновец, как полагается, был человеком офицерского звания. Он, безусловно, имел опыт общения с несовершеннолетней публикой, которая с младых лет обзавелась дурной привычкой измываться над законом и по этой причине «наблюдала небо в клетку».

Воспитатель отряда был призван всеми силами отучать ребяташек совершать плохие поступки. В широком смысле его миссия сводилась к тому, чтобы выправить «кривую» судьбы воспитанников и сделать все, чтобы эта «кривая» вновь не привела их к воротам тюрьмы.

Структуру отряда копировала вертикаль власти уже самой колонии. Во главе ее также находился бугор. Ему помогали мент и санитар. Был у колонии и свой главный воспитатель, были свои рыскавшие по зоне соглядатаи с «косяками». Пристально следила за колонией оперчасть, помогали ей многочисленные стукачи, которые имелись во всех отрядах и отделениях и «шуршали» неустанно.

В целом вертикаль власти колонии выглядела мощной и изящной, пронизывала ее, колонию, насквозь, «сидела» во всех порах, кишках и печенках воспитанников.

Зона напоминала идеальную, саморегулирующуюся систему, общество тотального самоконтроля. Бугры руководили, менты следили за порядком, санитары присматривали за внешним видом. Соглядатаи из КВП, как индикаторы, чутко реагировали на ситуацию. Стукачи стучали...

Основатель советской воспитательно-принудительной педагогической системы Антон Семенович Макаренко, будь жив, мог бы гордиться своим последователем в лице товарища полковника.

Диктаторы типа Пиночета, итальянского Дуче, испанского Франко должны были бы снять шляпу перед Александром Ивановичем. Товарищ полковник, сам того не подозревая, олицетворял их заветную мечту. Диктаторы всех мастей мечтают о саморегулируемом обществе, которое само себя ставит в рамки, само за собой следит, само себя может высечь, как унтер-офицерская вдова. Как раз таким обществом, как бы в миниатюре, Александр Иванович и рулил успешно.

Даже в курилку в его колонии нельзя было ходить без строя, и строй должен был состоять не менее чем из пяти человек. Выстраивалась следующая конфигурация: четыре воспитанника и бугор с красненькой бирочкой, который командовал строем. А если б кому-нибудь вздумалось болтаться без строя – его незамедлительно, в буквальном смысле, брали «на карандаш» соглядатаи и доносили куда следует.

В самом отряде, внутри, тоже возбранялось шляться из отсека в отсек без дозволения. Все находилось под контролем.

Строем же воспитанники ходили в школу, строем шли на производство, в столовую, в баню, в клуб. Хождение вне строя считалось нарушением и влекло наложение взыскания. Любителей болтаться вне строя ставили в наряды: чистить картошку, подметать плац, стричь траву, красить скамейки, белить урны и так далее.

С утра до вечера на зоне гремели песни. По заведенной традиции во время хождения строем полагалось «затянуть мелодию». Пели про День Победы, «Смуглянку», «Синий платочек». А бугор 22 отделения Хрунов заставил вызубрить воспитанников слова песни «Распрягайте, хлопцы, коней...»

Дубаки на вышках в этой колонии могли скучать и читать журнальчики, жарить яичницу, катать бильярдные шары – вообще жить отвлеченной от зоны жизнью. Никто бы из нее не убежал. А ежели б кто дерзнул – сами бы воспитанники этого нахала изловили, хорошенько «съездили» бы по морде и с легким сердцем сдали гражданину начальнику.

ТОВАРИЩ УЗЮКИН

Александр Иванович кинулся было к парадному кителю, но потом махнул рукой и стремительно двинулся к зданию Дворца культуры, где заседал областной суд. У входа в ДК он заметил Иллариона Сергеевича Узюкина, председателя областного суда. Илларион Сергеевич был бледен, на его длинноватой, типа гусиной шее мощно выделялась пульсирующая вена. В то же время кончик правого, простреленного на фронте немецким снайпером уха судьи «горел» алой лампочкой.

– Третьего дня, – говорил вместо традиционного «здравствуйте» Узюкин, – меня во сне укусила лошадь за ухо. Нахально так укусила. А зубы у нее такие крупные, крупные. Думал, гадал: к чему бы это? Оказалось, вот к чему.

Илларион Сергеевич яростно сверлил полковника глазами:

– Конфузия, вышла, однако, Александр Иванович... С какой формулировкой прикажете оформлять решение суда? Напишем, воспитанник отказывается досрочно выходить на свободу?! Кому из нас прежде, товарищ полковник, выпишут билет в «желтый дом»? Мне или вам?

Впервые в жизни судья оказывался в такой нелепой ситуации. Он не знал, что делать. Чрезвычайно репрессивное советское законодательство было рассчитано на то, чтобы сажать людей пачками и штабелями. Это же законодательство предусматривало условно-досрочное освобождение. Но ни в одной должностной инструкции не было прописано, как быть с заключенным, который как последний дурак отказывается досрочно выходить на свободу.

Фамилия Узюкин, необычная, немного смешная, сама по себе тянула на прозвище. Но коллеги Иллариона Сергеевича прозвали его по-своему: «Мистер нет», по аналогии с министром иностранных дел СССР товарищем Громыко, который на переговорах с американцами неизменно занимал бескомпромиссную позицию.

Узюкин – человек, прошедший фронт, не раз обнимавший смерть, как маму родную, жалел преступивших закон ребяташек послевоенного времени. Он понимал, что это следствие разрухи, безотцовщины, голода. Но малолетних уголовников эпохи развитого социализма судья отказывался понимать категорически и считал их врагами народа.

Илларион Сергеевич отличался упрощенным, линейным типом мышления. Его мировоззренческая конструкция была предельно четкой. Если в любом магазине можно купить белый хлеб за двадцать две копейки, масло сливочное, конфеты всякие – зачем воровать? Если в стране имеются тысячи бесплатных кружков, училищ, техникумов, вузов – зачем слоняться без дела? Хочешь, учись с парашютом прыгать – хочешь песни пой, в барабаны бей.

Понятие «трудный подросток» судья считал надуманным, искренне полагал, что зародилось оно в недрах инспекции по делам несовершеннолетних с подачи бездельников психологов-социологов.

– Все философствуют и философствуют, – бывало, ворчал Илларион Сергеевич, – чего мудрить? Взял гранату, пошел на фашистский танк, уничтожил танк. Получи, фашист, гранату! Вот и вся философия.

Невозможно было даже вообразить, чтобы Узюкин согласился «взять на лапу». Скорее, он съел бы взяточдателя прямо на месте, живьем и без всякой соли.

В судебском обществе авторитет Иллариона Сергеевича взлетел на невообразимую высоту после дела члена бюро обкома партии товарища Мамыкина.

Партийный функционер возлежал на ложе своей любовницы актрисы областного театра Ларисы Белянчиковой, когда туда явился другой ее воздыхатель – слуга Мельпомены Арнольд Аникин.

Мамыкин, поняв, что он отнюдь не единственный «друг сердца» Белянчиковой, крайне расстроился, оскорбился и полез в драку. Аникин умолял партийного функционера не бить его по лицу, так как намечалась премьера спектакля. Но разъяренный ревнивец был неумолим и дал-таки Арнольду в глаз и поставил ему жирный фингал. Затем, как следовало из материалов дела, Мамыкин, схватив со стола кухонный нож, с криком «Убью тебя, пучеглазый!» погнался за Аникиным. Член бюро обкома как есть в нижнем белье выскочил вслед за убегающим актером на улицу. Вероятно, он бы его зарезал, но Аникина спасли быстрые ноги. Горожане разъяренного Мамыкина, конечно, видели. Вышел, конечно, крупный скандал. Обкомовские, конечно, попытались скандал замять. Но принципиальный Узюкин «впаял» -таки Мамыкину пятнадцать суток за хулиганство.

Александр Иванович и Илларион Сергеевич часто общались по работе и часто «сходились на мечях». Про Иллариона Сергеевича говорили, что он выскивает грехи воспитанников до седьмого колена. Освободиться по УДО в суде под председательством Узюкина означало то же, что птице пролететь сквозь замочную скважину.

– Да поймите вы, – пытался его переубедить полковник, – колония, это вам не место, откуда воспитанников нужно выпускать с удостоверениями «почетных святых» в кармане. Это ж пепелище, здесь люди с опаленными, сожженными судьбами сидят.

Александр Иванович вытягивал ладонь, свободной рукой изображал печать, дул на эту будто бы печать, будто бы пытаясь согреть ее, и делал вид, что будто бы смачно ставит печать:

– А давайте на зеков печати шлепать, Илларион Сергеевич? Со знаком качества? Куда-нибудь на шею, на видное место?

Узюкин здорово портил показания колонии по УДО. Казалось бы, полковник должен был его возненавидеть. Но на деле Александр Иванович к Иллариону Сергеевичу относился не без некоторой симпатии. Судья Узюкин со своим упрощенным, линейным типом мышления очень походил на начальника оперчасти Шурукова. Оба были людьми бесхитростной конструкции, личностями дубоватыми, но оба не имели двойного дна. И от судьи, и от опера исходила какая-то не до конца понятная лошадиная готовность к работе. А все остальное их интересовало мало. Полковник, человек измученный общением с личностями с изощренной психологией, каковыми являлись заключенные, поневоле тянулся к таким понятным и предсказуемым типажам.

Иллариона Сергеевича часто бросали на образцово-показательные процессы, выносить суровые приговоры. Вместо него председательствовать на выездном заседании суда в колонии отправляли другого человека. Тот другой человек, обычно бывал более лоялен к воспитанникам. Таким образом, выравнивался баланс между «плохим» и «хорошим» судьями и в целом статистика по УДО в колонии начинала выглядеть не столь катастрофично.

«ОТКАЗНЯК» ВАНИ БОЛЬШАКОВА

Походкой человека, в пятой точке которого торчат штук пятьдесят иголок, полковник подходил к судьбе. Движения его были быстры, резки и нервны. Увидев свирепое и в то же время озабоченное выражение лица полковника, Узюкин сразу понял, что Александра Ивановича сейчас интересует только один вопрос: где Большаков?

– Да, там он, – отвечал Илларион Сергеевич, не дожидаясь вопроса, – в курилке стоит подлец, как столб вкопанный. Прости, Саша... я всегда чувствовал, даже был уверен, что эти твои «гитлерюгендовцы» когда-нибудь да выкинут «кривое коленце», и это «коленце» косячное угодит тебе прямо в лоб. Знаешь... это твое безудержное увлечение УДО... Соображаешь теперь, к чему приводят подобные игрища? Твой любимый Ванюша тебе же фигу показал! Да и мне, дураку, тоже. Ведь я, старый идиот, сегодня перед заседанием суда был уверен, что уж кого-кого, а Большакова можно выпускать досрочно. И эта привычка твоя дурацкая китель парадный на УДО одевать тоже мне не по душе. И погоны-то у него золотые, и на солнце-то они сияют аки мечи огненные... Что это для тебя, День Победы что ли какой-нибудь?»

Александр Иванович не дослушал тираду. Походкой резвого юнца он влетел в здание Дворца культуры, в три прыжка проскочил пустынное фойе и, нырнув в дверь, очутился в курилке.

Большаков Ваня стоял у выбеленного известкой ствола дерева и печально смотрел куда-то в небо. Художник мог бы писать с него картину. Отличная представилась бы фактура. Могло выйти нечто под названием «Бугор в минуту печали». На Ване красовались лучшие на зоне сапоги. «Носик» их был подбит квадратиком и отполирован. Каблуки несколько увеличены в высоту набойками и немного заострены. Напрашивались шпоры, но мастер, по понятным причинам, ставить их не решился. Брюки Большакова были выкроены под легкие – без больших «парусов» галифе» и смотрелись изящно, куртка аккуратно подогнана по фигуре. На груди висела алая лакированная бирка, а на ней каллиграфическим почерком были выведены фамилия и инициалы Большакова. Ваня отличался атлетическим телосложением, фигура его выдавала привычку «тягать гири». Он имел несколько большеватые кулаки, но в целом они соответствовали пропорциям тела и вида не портили. Лицо Вани Большакова было довольно приятным. При большом росте и крепком телосложении он отнюдь не походил на амбала, который взламывает амбарные замки.

Александр Иванович, едва сдерживая желание прибить Большакова как гада последнего, весь багровый, как сеньор Помидор, подошел к нему и начал говорить. Говорил при этом начальник так, будто палил из зенитной установки:

– Я не знаю, какие тараканы, на каких оркестрах играют сейчас в твоей голове. Вот честно, Ваня... не знаю, какие это тараканы: рыжие ли, черные, белые, лысые, лохматые. Но прошу понять следующее: скоро тебе исполнится двадцать, и я вынужден буду закрыть тебя в карантине. А там последний паук сдох с проклятиями, потому что дневальный Ищенко каждый день там полы моет-драит с хлоркой. Все, Ваня, будешь сидеть один. Не будет привычного окружения. Никто тебе сапоги по утрам начищать до блеска не станет, постель твою заправлять, одежду тебе стирать-гладить. И часики ты свои снимешь электронные и оставишь мне на память. А главное, Вань... ты отправишься во взрослую колонию. Отправишься по месту проживания. А там, Ваня, в родных тебе местах, – на триста верст вокруг все зоны «черные». Тебе придется иметь дело с урками, ворами, которые тебе предъявят, как только твоя нога ступит на зону. И ни меня, ни Владислава Николаевича рядом не будет. Уяснил?

Полковник нервно ожидал ответа. Он в ярости и в то же время как—то ловко схватил пролетающую мимо собственного носа муху и стер ее ладошками в порошок. Ему хотелось

достать из кобуры пистолет и пару раз пальнуть в воздух. Для разрядки... Однако пистолета не было.

– Александр Иванович, – отвечал наконец Большаков, – вы не подумайте... я очень вам благодарен... Александр Иванович, за все то, что вы для меня сделали, вы не подумайте... Александр Иванович, я против администрации не пойду, но... от УДО... Александр Иванович... я отказываюсь.

Ваня не мог скрыть волнения и говорил голосом человека, терзаемого мучительным внутренним состоянием. Ему не верилось, что эти слова произносит он сам. Полковник устало присел на находившуюся рядом скамейку, резко, как кольцо парашюта, дернул верхнюю пуговицу форменной рубашки и расстегнул ворот. Мысль о том, что точка невозврата пройдена, одновременно больно сжала ему сердце, но в то же время как-то и успокоила.

– А я думал, – говорил он, – приедешь через полгода – расскажешь ребятишкам, как на воле устроился. Убийца ты, Ваня: того парня убил, себя сегодня убил и меня сейчас вот, только что шлепнул, как куропатку.

Александр Иванович, встав, медленно плелся по направлению к ДК. Он бесшумно пересек фойе Дворца культуры, вышел наружу и лицом к лицу столкнулся с судьей Узюкиным. Кончик простреленного на фронте правого уха Иллариона Сергеевича все еще горел алой лампочкой, на длинноватой, типа гусиной шее по-прежнему мощно пульсировала вена, а на лбу выступила крупная испарина.

– Да будет вам, Илларион Сергеевич, – ворчал полковник, глядя на судью, будто изговившегося к прыжку, – что мы с вами, на петушиных боях, что ли? Все Илларион... Большакову вздумалось сыграть в русскую рулетку... на УДО он не пойдет. Придумай там что-нибудь. Ну, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами считать условно-досрочное освобождение нецелесообразным и так далее. На рояле... Илларион... труднее научиться играть, чем придумать бюрократическую формулировку. Труднее, Илларион, труднее. Так что... придумай чего-нибудь.

Сам Большаков стоял без движения, как каменный истукан. Ваня курил, но лишь изредка, когда сильно нервничал. Сейчас курить хотелось страшно. Он думал, что уже после обеда будет на свободе. Там, где-то за забором, его ждали отец, мать, братишка. Писали, что приедут встречать. Сигарет в кармане не было. Но Ваня все еще был бугром и мог приказывать:

– Человек! – громко крикнул он

Это было обезличенно-обобществлённое обращение к воспитанникам. Услышав его, зеки-ребятишки, кто ближе находился к бугру, должны были сломя голову нестись на клич. Так произошло и на этот раз. Ухо дремавшего где-то поблизости на посту воспитанника-соглядатая с красным косяком на рукаве уловило звук. Воспитанник вздрогнул, как от удара током. И со скоростью человека, за которым гонится стая хищных волков, ринулся к Большакову.

Ваня, сделав полуоборот телом, принял легкую стойку, чтобы его чего доброго не сшибло несущимся воспитанником.

– Есть закурить? – спрашивал он зека-соглядатая, всем своим видом выражавшего готовность хоть умереть, только б Ваня ему приказал.

– «Космос», – отвечал воспитанник, легкие которого со свистом «тягали» воздух после стремительной пробежки.

– Молоток, – хвалил его Большаков, – с фильтром куришь. Чтоб тебе по УДО откинуться...» (освободиться)

Закурив, Ваня мечтательно посмотрел на небо.

– Шикарные звезды сегодня на небе, – неожиданно сказал он, – на брюлики (драгоценные камни) похожи из ювелирного, был у нас такой в Прохоровском переулке. «Чистили» его пару раз, кажется.

Между тем в хрустально чистом небе нещадно палило солнце.

– Какие звезды? – спрашивал изумленный воспитанник.

– А ты посмотри, – предлагал ему Ваня.

Он, сомкнув пальцы рук кольцом, будто подзорную трубу поднес их к глазу зека-соглядатая.

– О! Точно! Точно! – восторженно кричал воспитанник, – точно, на брюлики похожи, одна прямо-таки рыжем (золотом) отливает. У нас такие брюлики в ювелирном на Проспекте продавались. Медвежатник Вася Семиглаз его брал, но спалился на бабе. Она цацки эти на себя напялила, дура, и ментов на Васю навела.

Бугор оценил сообразительность воспитанника. Ему захотелось его вознаградить. Большаков снял с головы новенький, тщательно отглаженный берет, вручил собеседнику, пару раз кашлянул от дыма сигареты и зашагал куда-то в сторону дисциплинарного изолятора – ДИЗО. Он походил на человека, уходящего в небытие...

ЧЕРВОТОЧИНА КАРЬЕРНОГО СЛУЖАКИ

«Азартный, однако, нынче складывается день», – думал Александр Иванович, двигаясь по направлению к кабинету.

Утреннее парадно-праздничное настроение было разорвано в клочья.

В кабинете полковник первым делом созвонился с начальником оперчасти майором Шуруковым:

– А, скажи-ка, – Владислав Николаевич, – интересовался он, – сколько твоих агентов, этих твоих «пастухов» присматривали за Большаковым?

– Семь человек, – отвечал Шуруков и перечислял имена стукачей, которые персонально «пасли» Большакова: банщик Сладков, каптерщик Макаров, в столовой – баландер Двиняников...

– Хватит, – перебил его полковник, – и что же... они не видели и не понимали, с каким настроением Большаков идет на УДО?

– Так ведь, Александр Иванович, чужая душа – потемки, – оправдывался опер, – человека, как куртку, не расстегнешь и внутрь не заглянешь.

С этим аргументом полковник не мог не согласиться. Такие фокусы выделявали зеки, такие среди них попадались причудливые личности, что души их, должно быть, представляли собой какие-то совершенно непостижимые формулы. Вот и Ваня Большаков в очередной раз показал, что душа человеческая может выкинуть такую штуkenцию, предугадать которую никак уж невозможно.

Александр Иванович, сторонник изящных решений, не торопился «запечатать» Ваню в дисциплинарный изолятор. Тем более и формального повода для этого не было. Ну, отказался человек выходить на свободу – не сбежал же, в конце концов. Тут требовалось решение такой точности, с какой человек управляет нитку в иголку, а его пока еще не было.

– Где он там сейчас, этот раскаивающийся грешник, хреном бы его по башке, околачивается на зоне? – интересовался полковник.

– Около дисциплинарного изолятора чего-то трется, – отвечал Владислав Николаевич, – ждет, наверное, что посадят. Покурил, подарил беретку воспитаннику. И этому же воспитаннику рукой на небе что-то показывал. Чего? – Не пойму. Может, видения какие у него начались?

– Отставить видения! – распорядился Александр Иванович. Гони его в отряд. Только мракобесия нам еще не хватало. Гони его в отряд и пусть где-нибудь в каптерке или ленинской комнате посидит – потом разберемся... какие там у него видения.

Полковника объяла тоска. Сценарий предстоящего УДО никак не складывался. В случившемся он еще не чувствовал глубокого, драматического смысла. Происходившее, скорее, напоминало ему дешевенькую, несуразную пьеску. Александр Иванович не понимал: есть ли в случившемся какая-то закономерность или это действительно случайность, которая обрушивается на голову раз в сто лет?

Скоро полковнику сообщили, что из пятнадцати представленных к УДО кандидатур Узюкин освободил трех воспитанников. Илларион Сергеевич ввиду плохого настроения, да и по привычке, хотел было «зарубить» всех. Но у этих зеков-ребятишек вообще не было ни одного взыскания. С точки зрения условно-досрочного освобождения это были идеальные кандидатуры. Можно было подумать, что, оказавшись в заключении, они только тем и занимались, что читали псалмы и вели богобоязненную монашескую жизнь. Сроки ребяташки имели смешные, относились к категории горе-уголовничков, которые обычно сидят «за мешок картошки». Не выпускать их досрочно было просто нельзя. И Узюкин скрепя сердце наступил на горло собственной песне. Изучая представление к УДО на имя Вани Большакова, Илларион

Сергеевич хищно сверкал глазами. Опытный глаз судьи выцепил предупреждение, которое было вынесено Большакову пару лет назад. Воспитанник Ренат Латыпов на производстве прищемил палец агрегатом для штамповки деталей. А баландер Стас Рымбаев в столовой в корпусе огнетушителя умудрился поставить бражку, напился, пел песни, хохотал и рассказывал анекдоты про начальника колонии. Большаков, как бугор зоны, отвечавший за все, тогда получил взыскание. Это взыскание давно было погашено, про него все уже забыли. Но формальный повод судья нашел. В глубине души он благодарил нарушителей режима Латыпова и Рымбаева. Этих двух оборотов, этих двух идиотов, один из которых остался без пальца, другой напился на зоне, как в каком-нибудь кабаке. Уголовники спасли честь судьи, помогли ему выкрутиться из щекотливого положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.